

stratum
plus

Археология и культурная антропология

№5. 2016

E-ISSN: 1857-3533

НАШЕСТВИЕ. ПРЕДЕЛЫ КАТАСТРОФЫ XIII ВЕКА

Восточная Европа и монгольская глобализация
Кризис Древней Руси: возможности познания
Орда и политическая культура Руси
Шлейф катастрофы. Киев в 1241 году
Преемственность городской культуры после Батыева нашествия
Ремесло в деструктивный период
Влияние Золотой Орды на одежду Руси
Ювелирные традиции. До и после Нашествия
Древнерусская архитектура послемонгольского времени

Ответственный редактор: Роман А. Рабинович

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КИШИНЕВ ОДЕССА БУХАРЕСТ 2016

E-ISSN: 1857-3533

Stratum plus. No. 5.
Archaeology and Cultural Anthropology

The Invasion. The Extent of the Thirteenth Century Catastrophe

Eastern Europe and Mongol Globalization
Crisis in the Early Rus': learning opportunities
The Horde and the Political Culture in Rus'
Catastrophe: the Aftermath. Kiev in 1241
Continuity of the Urban Culture after Batu's Invasion
Crafts in Destructive Times
Golden Horde's Influences on Clothing in Rus'
Jewelry Traditions. Before and after the Invasion
Early Russian Architecture after the Mongols

Editor-in-Charge — Roman A. Rabinovich

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.

2016

Stratum plus. Nr. 5.
Arheologie și antropologie culturală

Invazia. Limitele catastrofei sec. XIII

Europa de Răsărit și globalizarea mongolă
Criza Rusiei Vechi: posibilitățile de cunoaștere
Hoarda și cultura politică a Rusiei
Coadă catastrofei. Kievul în anul 1241
Continuitatea culturii orășenești după invazia lui Batu
Meșteșugul în perioada distructivă
Influența Hoardei de Aur asupra îmbrăcăminteii Rusiei
Tradițiile de giuvaieruri. Până și după Invazie
Arhitectura veche rusă din perioada postmongolă

Redactor responsabil — Roman A. Rabinovich

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.

2016

СОДЕРЖАНИЕ

МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ
КАК ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ РУБЕЖ

- Н. Н. Крадин (*Владивосток, Россия*). Восточная Европа и монгольская глобализация 17
- С. В. Томсинский (*Санкт-Петербург, Россия*). Кризис Древней Руси в XIII в.: возможности познания реалий исторической действительности 27
- А. И. Филюшкин (*Санкт-Петербург, Россия*). «От тех царей Золотой Орды начало нашей Русской земли»: повлияла ли Орда на политическую культуру средневековой Руси? 39
- А. В. Майоров (*Санкт-Петербург, Россия*). Русские князья после нашествия Батыев: борьба за Галич и Киев 49

ГОРОДА И ВЕСИ

- Г. Ю. Ивакин, А. В. Комар (*Киев, Украина*). После катастрофы: Киев в 1241 г. 59
- А. Д. Козак (*Киев, Украина*). Коллективное погребение возле Десятинной церкви: тафономия и палеопатология 73
- Е. Е. Черненко (*Чернигов, Украина*). Чернигов и нашествие монголов в свете археологических исследований 83
- Е. М. Веремейчик (*Чернигов, Украина*). Усадьба ювелира середины XIII в. в Любече 99
- В. А. Лапшин (*Санкт-Петербург, Россия*). Тверь в XIII—XIV вв. (К проблеме преемственности городской культуры в Северо-Восточной Руси после Батыева нашествия) 117
- С. Г. Бочаров (*Ялта, Крым; Казань, Россия*). Изменение городской культуры в Крыму во второй половине XIII — первой половине XIV в. (на примере возникновения местного производства поливной керамики) 125
- Н. А. Тропин (*Елец, Россия*). О восстановлении монголами Донского торгового пути в середине XIII в. 133

РЕМЕСЛО

- В. Н. Гурьянов, Е. А. Шинаков (*Брянск, Россия*). Вооружение конца XII — начала XIV вв. с территории Среднего Подесенья и кросс-культурные контакты (в свете монгольского нашествия) 143
- В. И. Завьялов, Н. Н. Терехова (*Москва, Россия*). Древнерусские кузнечные традиции в деструктивный период (вторая половина XIII — XIV вв.) 157

- Е. П. Королёва (Могилёв, Беларусь), А. Н. Егорьков (Санкт-Петербург, Россия).**
Состав стекла артефактов из некоторых средневековых памятников
Беларуси в контексте влияния татаро-монгольского нашествия
на традиции древнерусского стеклоделия. 163
- В. Ю. Коваль (Москва, Россия). Керамика Рязанской земли в XIII веке . . . 175**
- А. В. Курбатов (Санкт-Петербург, Россия). Кожевенное ремесло лесной зоны**
Руси в XIII—XIV вв. 189
- К. А. Лавыш (Минск, Беларусь). Подражания золотоордынским изделиям**
из кости в Западной Руси 215

КОСТЮМ И УКРАШЕНИЯ

- Н. В. Жилина (Москва, Россия). Русские и ордынцы: культурное восприятие**
и неприятие 223
- О. В. Орфинская (Москва, Россия). Размышления на тему влияния Золотой**
Орды на одежду Руси 251
- Н. М. Калашникова, А. И. Корниенко (Санкт-Петербург, Россия),**
С. С. Рябцева (Кишинёв, Молдова). Створчатые браслеты. Традиция
до и после Нашествия 269
- С. Оца, М. Джорджеску (Бухарест, Румыния). К вопросу об уточнении**
датировки клада из Войнешть (жудец Яссы) 301
- С. М. Новаковская-Бухман (Санкт-Петербург, Россия). Украшения из**
разрозненных древнерусских кладов в собрании Русского музея . . . 321

АРХИТЕКТУРА

- М. В. Малевская-Малевиц (†). Церковь XIV в. на детинце Новогрудка. . . 339**
- И. В. Антипов (Санкт-Петербург, Россия). Древнерусская архитектура**
в первое столетие после монголо-татарского нашествия 355

РЕЦЕНЗИИ И ДИСКУССИИ

- С. В. Томсинский (Санкт-Петербург, Россия). Позвольте кое-что уточнить. . 369**
- А. Н. Кирпичников, С. В. Белецкий (Санкт-Петербург, Россия). Новое**
исследование мечей викингов. 377

ИСТОРИЯ НАУКИ

- Л. С. Клейн (Санкт-Петербург, Россия). Чайлд и коллизия с Плетневой . . 385**
- Список сокращений. 391**
- Авторам *Stratum plus* 394**

C O N T E N T S

**THE MONGOL INVASION
AS A POINT OF TRANSFORMATION**

- N. N. Kradin** (*Vladivostok, Russian Federation*). **Eastern Europe and Mongol Globalization** 17
- S. V. Tomsinsky** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **The Thirteenth Century Crisis in the Early Rus': exploring the historical reality** 27
- A. I. Filyushkin** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **“The Beginning of Our Russian Land was from those Tsars of the Golden Horde”: did the Horde have an influence upon the political culture of the Medieval Rus’?** 39
- A. V. Maiorov** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Russian Princes after the Invasion of Batu: Struggle for Galich and Kiev** 49

OF CITIES AND COUNTRYSIDE

- G. Yu. Ivakin, A. V. Komar** (*Kiev, Ukraine*). **Catastrophe: the Aftermath. Kiev in 1241.** 59
- A. D. Kozak** (*Kiev, Ukraine*). **Collective Burial near Desiatynna Church: taphonomy and paleopathology** 73
- O. Ye. Chernenko** (*Chernihiv, Ukraine*). **Chernigov and the Invasion of the Mongols in the Context of Archaeological Investigations** 83
- O. M. Veremeychik** (*Chernihiv, Ukraine*). **Jeweler’s Estate of the Middle of the 13th Century in Lyubetch** 99
- V. A. Lapshin** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Tver in the 13th —15th Centuries (on continuity of urban culture in North-Eastern Russia after the invasion of Batu)** 117
- S. G. Bocharov** (*Yalta, Crimea; Kazan, Russian Federation*). **Changes in Urban Culture in the Crimea in the Second Half of the 13th Century — the First Half of the 14th Century (on emergence of a local production of glazed pottery)** . . . 125
- N. A. Tropin** (*Yelets, Russian Federation*). **On the Restoration of the Don Trade Route by the Mongols in the Middle of the 13th Century** 133

CRAFTS

- V. N. Guryanov, E. A. Shinakov** (*Bryansk, Russian Federation*). **Armament of the Late 12th — Early 14th Centuries from the Middle Desna Region and Cross-Cultural Contacts (in the context of the Mongol invasion)** 143
- V. I. Zavyalov, N. N. Terekhova** (*Moscow, Russian Federation*). **The Ancient Russian Blacksmith’s Traditions in Destructive Period (second half 13th — 14th cc.)** 157

E. P. Korolyova (<i>Mogilev, Belarus</i>), A. N. Egorkov (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Composition of Glass Artifacts from Some Medieval Sites of Belarus in the Context of Influence of the Tatar-Mongol Invasion on the Tradition of Early Russian Glassmaking	163
V. Yu. Koval (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Ryazan Land Pottery in the 13th Century	175
A. V. Kurbatov (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Leather-making in the Forest Zone of Rus' in the 13th—14th Centuries	189
K. A. Lavysh (<i>Minsk, Belarus</i>). Imitations of Golden Horde Bone Articles in Western Rus'	215

COSTUME AND ADORNMENT

N. V. Zhilina (<i>Moscow, Russian Federation</i>). The Russians and the Horde Peoples: Cultural Acceptance and Rejection	223
O. V. Orfinskaya (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Reflections on the Impact of the Golden Horde on Rus' Clothing	251
N. M. Kalashnikova, A. I. Kornienko (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>), S. S. Ryabtseva (<i>Kishinev, Moldova</i>). Bracelets with Hinges. The Tradition Before and After the Invasion	269
S. Oța, M. Georgescu (<i>Bucharest, Romania</i>). Some Observations about the Re-dating of the Treasure Hoard from Voinești (Jassy County)	301
S. M. Novakovskaya-Buchman (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Jewelry from Unknown Treasure Hoards in Collections of the State Russian Museum . . .	321

ARCHITECTURE

M. V. Malevskaya-Malevich (†). The 14th Century Church in the Detinets (Citadel) of Novogradok	339
I. V. Antipov (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Russian Architecture of the First Century after Mongol Invasion	355

REVIEWS AND DISCUSSIONS

S. V. Tomsinsky (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). As a Matter of Clarification . .	369
A. N. Kirpichnikov, S. V. Beletsky (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). A New Study of the Viking Swords	377

HISTORY OF SCIENCE

L. S. Klejn (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Childe and the Collision with Pletneva	385
Abbreviations	391
Submissions	394

Г. Ю. Ивакин, А. В. Комар

После катастрофы: Киев в 1241 г.

Keywords: Old Rus', Kiev, 13th century, Mongol invasion, mass burials.

Cuvinte cheie: Rusia Veche, Kiev, sec. XIII, invazia mongolă, înmormântări de masă.

Ключевые слова: Древняя Русь, Киев, XIII век, монгольское вторжение, массовые захоронения.

G. Yu. Ivakin, A. V. Komar

Catastrophe: the Aftermath. Kiev in 1241

The authors use archaeological data to examine the stages of inhumations of Kiev inhabitants killed in December 1240 after the seizure of the city by the Mongols. Differences in skeletons preservation and anatomical order in mass graves makes it possible to distinguish four groups of mass burials and four stages of cleaning the city from the bodies. Group I died in fires in buildings directly on the place of burial in December 1240. Group II — full anatomical order of skeletons buried in winter 1240/1241. Group III — incomplete skeletons or partial distortions of anatomical order, buried in the spring of 1241. Group IV — scattered disjunct bones and body parts buried within 5—7 months after their death (in summer 1241).

Only a small part of the victims was buried at stages I—II in winter 1240/1241. Whereas most of mass graves contained various distortions in the order and anatomical integrity of skeletons, i.e. the main cleaning activities occurred in the city in the spring and summer of 1241. As a result, the area of Podil (Lower Town) was completely cleared from the dead bodies, while the former center of the city on the Old Kiev Hill turned into a huge graveyard of thousands of people and, therefore, was not used for residential development for a long time.

G. Yu. Ivakin, A. V. Komar

După catastrofă: Kievul în 1241

În baza datelor arheologice în articol sunt examinate etapele înmormântării rămășițelor pământești a locuitorilor Kievului, uciși în decembrie 1240, în timpul cuceririi orașului de către mongoli. Deosebirile privind starea de conservare și ordinea anatomică a scheletelor din gropile comune au permis identificarea a patru grupuri de înmormântări, ce corespund etapelor de curățare a orașului de corpuri. Grupul I — cei decedați direct pe loc, în construcțiile incendiate în decembrie 1240. Grupul II — înmormântări cu ordine anatomică completă, efectuate în timpul iernii anilor 1240—1241. Grupul III — înmormântări cu schelete incomplete sau cu mici încălcări ale ordinii anatomice, efectuate în primăvara a. 1241. Grupul IV — înmormântări a unor oseminte aparte și părți ale corpului, efectuate la 5—7 luni după moarte (în vara a. 1241).

Doar o mică parte din cei decedați au fost înmormântați în I—II etapă, în iarna anilor 1240—1241, în timp ce cele mai numeroase sau dovedit a fi mormintele cu diferite încălcări ale ordinii anatomice și a integrității scheletelor, adică etapele principale de curățare a orașului au revenit perioadei de primăvară și vară a anului 1241. Ca rezultat al acestei acțiuni a fost curățat de cadavre teritoriul Podilului, în timp ce fostul centru al orașului de pe dealul Vechiului Kiev s-a transformat într-un cimitir imens de mii de oameni și din această cauză timp îndelungat nu era folosit pentru construcție locativă.

Г. Ю. Ивакин, А. В. Комар

После катастрофы: Киев в 1241 г.

На основании археологических данных в статье рассматриваются этапы захоронения останков жителей Киева, погибших в декабре 1240 г. при взятии города монголами. Различия в сохранности и анатомическом порядке костяков из братских могил позволили выделить четыре группы захоронений, соответствующие этапам очистки города от тел. Группа I — погибшие непосредственно на месте в пожарах построек в декабре 1240 г. Группа II — захоронения с полным анатомическим порядком, совершенные в рамках зимы 1240/1241 гг. Группа III — захоронения с неполными костяками или частичным нарушением анатомического порядка, совершенные весной 1241 г. Группа IV — захоронения разрозненных костей и частей тел, совершенные через 5—7 месяцев после смерти (летом 1241 г.).

Лишь небольшая часть погибших были захоронены на этапах I—II зимой 1240/1241 гг., тогда как наиболее массовыми оказались могилы с различными нарушениями анатомического порядка и целостности скелетов, т.е. основные этапы очистки города пришлись на весну и лето 1241 г. По результатам этой акции от тел была полностью очищена территория Подола, тогда как бывший центр города на Старокиевской горе превратился в огромное кладбище тысяч людей и поэтому долгое время не использовался для жилой застройки.

Художественные произведения в жанре постапокалиптики редко описывают города в ближайшие месяцы после массовой гибели людей. Читателю пришлось бы погрузиться в мир весьма неприятных образов и ассоциаций, избежать которых, впрочем, сложно историкам и археологам, пытающимся представить последствия монгольского погрома 1237—1241 гг. для древнерусских городов.

В ноябре-декабре 1240 г. после осады и штурма пал один из крупнейших городов Восточной Европы — Киев. Ипатьевская летопись содержит упоминание всего об одном помилованном после штурма — воеводе Дмитрие, тогда как автор записи в Лаврентьевской летописи был более категоричен — «а люди ѿ мала и до велика вса Ѹбиша мечем» (ПСРЛ 2001, 1: 470; ПСРЛ 2001, 2: 784—785). Оба свидетельства, впрочем, несомненно не принадлежали очевидцам событий и, вероятнее всего, появились в составе письменных сочинений не ранее 50—60-х гг. XIII в.

Спустя 5 лет после событий, зимой 1245/1246 г., францисканский монах Джованни Плато Карпини лично посетил Киев, отметив в своих мемуарах, что монголы «после завоевания [половцев] пошли против Руси и произвели большое разорение в земле Руси, города и крепости разрушили, и людей уничтожили, а Киев, который был столицей Руси, осадили, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; поэтому, когда мы проезжали через эти земли, находили бесчисленные черепа и кости мертвых людей, лежавшие на земле. Этот город был очень большой и многонаселенный, а ныне уменьшен почти в ничто; теперь там едва ли двести домов, а этих людей держат в полном подчинении» (перевод — А. К. по изданию: D' Avezac 1838: 279).

Сведения письменных источников вызвали противоречивые оценки у историков. Одна линия безоговорочно верила сообщениям о полном уничтожении населения Киева, вторая же сомневалась в столь чудовищной жестокости монголов и считала утверждения летописцев эмоциональным преувеличением. Внести свою лепту в дискуссию археологии впервые выпала возможность только в конце XIX в.

В 1870 г. Товарищество Киевского пивоваренного завода проводило подрезку склона горы невдалеке от Иорданской церкви для постройки зданий завода (совр. ул. Кирилловская, 41). У самого подножия горы была обнаружена огромная могила, вмещающая, по первому сообщению В. Б. Антоновича, «до 4000 скелетов» или же «множество человеческих костей (более 2000 черепов) сваленных в кучу»

(Антонович 1888: 130—131; 1895: 31). Могила включала характерные древнерусские находки — «мраморные» (пирофиллитовые) и янтарный крестик, стеклянные браслеты, фрагменты остродонных амфор, а также два меча, отнесенные В. Б. Антоновичем к «княжескому времени» с указанием точной аналогии одному из них среди находок из Англии (Антонович 1888: 131). И хотя по указанной ссылке (Specht 1870: Taf. X: 31a, 31b) приведены два различных меча (с рукоятями типов X и Z), датировка киевского экземпляра древнерусским периодом не вызывает сомнений.

Исследователь констатировал: «Могила эту, несмотря на присутствие оружия, нельзя было однако назвать “братскою, боевою” потому, что среди скелетов было очень много женских и детских костяков; очевидно, в могилу свалены были жители, избитые во время разорения города в княжеское время (судя по характеру найденных предметов), вероятно во время одного из трех погромов, отмеченных в летописи» (Антонович 1896: 63). Альтернативное мнение, правда, без аргументации, высказал лишь Н. И. Петров, предположивший, что коллективная могила относится к 1482 г. и является следствием опустошения города Менгли-Гиреем (Петров 1897: 35—36).

По свидетельству палеонтолога А. С. Роговича, в 1875 г. в соседней усадьбе И. Марра (совр. ул. Кирилловская, 53) во время копания рва были обнаружены целый ряд археологических объектов, в т. ч.: «над языческим кладбищем, на незначительной глубине находятся остатки татарского побоища: множество черепов татарских и славянских перемешаны между собою и похоронены без всякого порядка» (Рогович 1875: 233). Если речь шла не об отдельной аналогичной могиле, а лишь о продолжении массового захоронения, открытого в 1870 г., масштаб последнего становится ужасающим.

В 1892 г. другая коллективная могила была обнаружена на Старокиевской горе И. А. Хойновским во время наблюдений за земляными работами в части усадьбы Трубецких, проданной инженеру Я. В. Кривцову (угол современных ул. Владимирская, и ул. Десятинная, 13) (Хойновский 1893: 14—17; табл. I; V: 18). Согласно описанию, могила в «несколько тысяч» скелетов занимала дно рва шириной 11,5 аршина (8,2 м), ориентированного по линии ЮВ-СЗ, и прослежена в длину на 20 аршин (14,2 м). Кости людей создавали слой наибольшей толщиной в западной части — до 1 аршина (0,71 м), уменьшаясь к востоку. Судя по схематическому рисунку на пла-

не, в основной части могилы анатомической целостности костяков не наблюдалось. «Эта масса костей лежала под землей, смешанной с коричневой пылью сгнившего дерева, при них находилось много черепков глиняной посуды; других предметов, как то: следов одежды, оружия, крестиков — ничего не было [...] Сплошная масса костей, находившаяся по линии рва на 20 арш. пространстве, оказалась потому, что монголы, избив Киевлян в последний час борьбы и содрав с них одежду и всё, что они при себе имели, снесли тела в этот ров и присыпали их землёй». Роль строителей братской могилы И. А. Хойновский отводил монголам, поскольку считал, что «Киев в продолжение 10 лет после погрома был такой пустыней, что только волки по нем бродили» (Хойновский 1893: 10, 16, 17).

В 1910 г. Д. В. Милеев исследовал соседний участок усадьбы Трубецких на СЗ от раскопов И. А. Хойновского (Ёлшин, Мелюх, Ходаковский 2015: 164—166). Газетные извлечения о ходе раскопок и комментарии Д. В. Милеева (Археологические... 1910: 206—210) позволили заключить, что стратиграфическое соотношение объектов было иным, чем показалось И. А. Хойновскому. Параллельно направлению Трёхвятительской (совр. Десятинной) улицы были открыты два длинных котлована деревянных сооружений шириной в 9 м, расположенные друг от друга на расстоянии в 3 м и содержавшие материалы не ранее конца XVII в.; прослежены они на длину свыше 25 м (Ёлшин, Мелюх, Ходаковский 2015: 362). Братская могила на этом участке располагалась рядом на СВ и перерезалась одним из сооружений.

Из отчёта в прессе: «Недалеко от деревянных построек, в стороне, прилегающей к Трёхвятительской улице, открыта большая братская могила, в которой покоится свыше сотни скелетов. Могила частью отрезана постройкой и представляет собой массовое погребение, сделанное, по-видимому, после жестокого боя. Основание к такому предположению служит, по словам г. Милеева, то, что части некоторых скелетов лежат крайне разрозненно; некоторые черепные коробки как бы отсечены, а тазовые кости найдены с засажеными в них железными обломками копьев. Находка обнаружена в великокняжеском культурном слое и относится к 12 веку» (Археологические... 1910: 208—209).

Несколько фотографий участков могилы сохранились в архиве ИИМК (НА ИИМК РАН. №0.2876.100—102), одна из них была издана М. К. Каргером (Каргер 1949: рис. 38; 1958: рис. 148). Д. В. Милеев вел раскопки двухме-

тровыми траншеями, параллельными направлению могилы, т. е. ул. Десятинной. Не совпадает с информацией И. А. Хойновского лишь глубина — на фотографиях Д. В. Милеева она едва ли больше метра, но и склон в эту сторону имеет выраженную тенденцию к понижению. Фото подтверждают картину беспорядочного расположения тел и частей скелетов: большинство черепов лежали отдельно от позвонков, некоторые в перевернутом грушевидным отверстием вверх положении; анатомический порядок сохраняют только позвоночки, часть конечностей и грудных клеток; полного скелета ни на одной из фотографий нет (рис. 1: 1). Такая картина вероятна при помещении в могилу уже частично скелетированных тел, либо при их разложении в открытых условиях.

Ещё раз фрагмент этой могилы был задет в 1939 г. при рытье котлована под школу (в части двора, выходящем на совр. ул. Десятинную). По свидетельству И. М. Самойловского, «в яме было обнаружено скопление человеческих костей, лежащих в беспорядке» (Самойловский 1954: 107).

Гораздо больший резонанс получила братская могила, открытая В. В. Хвойкой в 1907 г. к СВ от апсид Десятинной церкви, над фундаментами разрушенного «восточного дворца». «Здесь было обнаружено огромное количество человеческих костяков обоих полов и разных возрастов, начиная с младенческого. Некоторые черепа были рассечены и разломаны; при некоторых покойниках у шеи оказались кресты, а на руках нескольких детских костяков были надеты стеклянные браслеты. Над этой грудой костяков на небольшом расстоянии от поверхности земли лежал скелет татарина, характерный монгольский череп которого оказался рассеченным боевым топором. На дне братской могилы, под костяками, на остатках древних фундаментов некогда стоявшего здесь здания, был обнаружен в высшей степени интересный крест греческой работы» (Хвойка 1913: 75).

В выписках А. А. Спицына из дневников В. В. Хвойки содержатся дополнительные данные: «на глуб. 0,7—0,8 м справа несколько, а потом множество костяков, лежавших рядами в различных положениях; куча 4,5×2,3 м до фундамента и пола; и дети. Крест энколпион Бориса и Глеба, каменный крест с серебряными концами (зернь), три маленьких и один большой каменные крестики, стеклянные браслеты, несколько бус. Крест сирийский на глуб. 2,2 м, под кучей, на остатках каменной стенки бывшего здания» (Корзухина 1956: 341—342). Этот крест исследователь

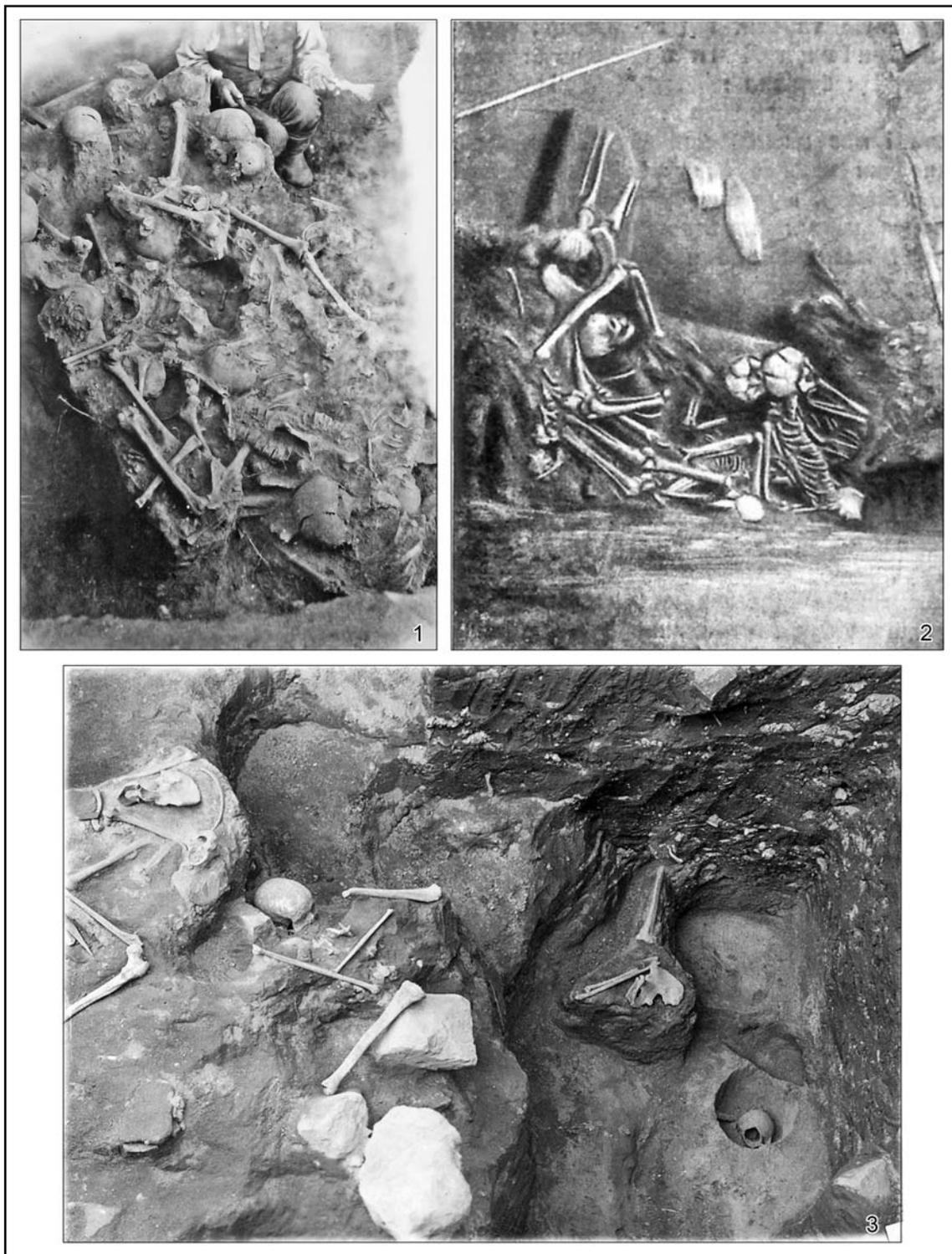

Рис. 1. Коллективные захоронения сер. XIII в. вблизи Десятинной церкви: 1 — усадьба Трубецких, 1910 г. (ФО НА ИИМК РАН. №12857); 2 — «восточный дворец», 1936 г. (по Ячменьов, Молчановский 1936: 59); 3 — участок А (S), 1936 г. (НА ИА НАНУ. Фонд негативов, 1936 г. Инв. №3, 27).

Fig. 1. Mass burials of the middle of 13th century near Desyatinna Church: 1 — Trubetskoj Manor, 1910 (Photo Unit of the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. No.12857); 2 — “east palace”, 1936 (after Ячменьов, Молчановский 1936: 59); 3 — sector A (S), 1936 (Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Photonegative fund. 1936. Inv. no.3, 27)

интерпретировал как запрестольный крест Десятинной церкви, спрятанный от татар под телами убитых жителей (Хвойка 1913: 75).

В.В. Хвойка в 1907 г. не производил фотофиксации раскопок, поэтому сохранились лишь рисунки могилы, отражающие уже вы-

бранное пространство дворца и стратиграфические разрезы, в одном из которых обозначено скопление костей. Следует заметить, что на всех трёх рисунках дворца художник различно передал кости. На одном изображено скопление черепов; на втором — длинных костей; на третьем — лишь схематически передано отличие заполнения (Козюба 2010: рис. 8). Описание тоже не даёт представления о том, находились ли костяки в анатомическом порядке. Но несомненно, что присутствие украшений и крестов отличает данную могилу от соседней коллективной могилы на усадьбе Трубецких, сближая её с могилой 1870 г. возле Иорданской церкви.

Изучая выписки А. А. Спицына из дневников В. В. Хвойки, Г. Ф. Корзухина отметила, что эпизод разгрома Киева 1240 г. отражён и в других объектах из раскопок усадьбы Петровского 1907—1908 гг., где обнаружены разрозненные («разоренные») скелеты людей и следы пожара. В жилищах на участках 1 и 5 обнаружены соответственно 2 и 1 костяк; на участке 22 — женский скелет с бусами; на участке 32 — 3 черепа и остатки деревянного щита, а на участке 34 — мужской скелет с мечом. На участках 26 и 31 зафиксированы площадки с остатками золы, углей, пережженной глины, предметов (в т. ч. бусы, височные кольца, энколпионы, каменные крестик и иконка) и костей людей. По мнению Г. Ф. Корзухиной, последние площадки отражали жертв татарского погрома, либо сгоревших в пожаре, либо намеренно сожженных при уборке города после разгрома. «О том, что такая уборка была, что трупы убитых были собраны и похоронены, свидетельствуют братские могилы, обнаруженные в разных частях города, в частности и на усадьбе Петровского, над фундаментами каменного здания у Андреевского спуска» (Корзухина 1956: 335).

В 1908 г. была открыта ещё одна «могила с 12-ю покойниками, при которых находились крестики, на костях рук стеклянные браслеты и возле которых — 2 железных серпа и топор с отчасти сохранившейся деревянной ручкой. В западной части этой коллективной могилы в материковой глине оказалась вырытой пещера, в которой было похоронено ещё 3 покойника: на дне пещеры находились — складная иконка, каменная иконка с серебряным футлярчиком и два перламутровых крестика» (Хвойка 1913: 74—75). Газетное сообщение детализирует представления об этом комплексе: «В той-же усадьбе, близ древнего вала, г. Хвойко открыл две могилы. Одна могила заключала в себе 12 скелетов. Все они, по-

видимому, ограблены прежними раскапывателями. Тем не менее, при них найдены разные вещи, в том числе икона-складень (бронзовая). ... Ниже этой могилы, в материке, найдена другая могила, в которой лежало два больших скелета и один детский. При них найдена византийская очень хорошей работы каменная круглая икона в серебряном ободке. ... Эта могила также была ограблена.» (Раскопки... 1909б: 82). Два уровня залегания скелетов отмечены и в жилище на участке 1 в 1907 г. (Корзухина 1956: 337).

В 1909 г., по сообщению прессы, Д. В. Милеев вскрыл ещё одну коллективную могилу в Митрополичьем саду на углу ул. Стрелецкой и Георгиевского переулка: «Обнаружена в западной части усадьбы в материке большая братская могила с массой хорошо сохранившихся костяков. Могила эта, видимо, есть общее погребение после какого-либо боя, так как найдено много черепов с проломами, а также у некоторых костяков отсутствуют либо рука, либо нога» (Раскопки... 1909а: 122). Такой «могила», впрочем, не оказалось на финальном чертеже раскопок, где в западной части усадьбы изображен обычный монастырский погост, а иллюзию коллективного погребения, скорее всего, создавала методика срытия материка по всей площади, что хорошо видно на фотографиях раскопок кладбища (Козюба 2014: ил. 2; 3).

Невысокий методический уровень дореволюционных раскопок, фрагментарность фиксации и крайне ограниченное количество сохранившейся отчётной и дневниковой документации, археологических материалов из комплексов, отсутствие антропологических исследований материалов из коллективных могил — всё это в сумме не позволяло сделать каких-либо уверенных выводов о времени и обстоятельствах появления таких захоронений. Немногим лучше, как оказалось, отличалась и ситуация с исследованиями 1930-х гг.

В 1936 г. фрагмент братской могилы на склоне рядом с «восточным дворцом» исследовала экспедиция под руководством Ф. Н. Молчановского (или, формально, Н. И. Ячменёва). Согласно краткому сообщению, «В восточной части усадьбы, возле ул. Короленко (совр. Владимирская — авт.), выкопано было много человеческого скелетов. По найденным при них металлическим предметам (крестики, пряжки, пуговицы) датировать эти скелеты следует XIII в. Возможно, это останки убитых во время нападения Батя в 1240 году киевлян» (Ячменьов, Молчановский 1936: 59—60). На изданном

фото (рис. 1: 2) виден момент расчистки могилы в обресе склона. Останки минимум 5 людей расположены беспорядочной наброской тел. Нижние скелеты в анатомическом порядке, но кости самого верхнего яруса создают впечатление нарушенных, что, впрочем, может быть и следствием их разрушением траншеей под фундамент ограды усадьбы Десятинной церкви. Авторы не уточняли связь могилы с раскопанной В. В. Хвойкой в 1907 г., но И. Е. Иванцов уверенно говорил именно о доисследовании могилы 1907 г. (Иванцов 2003: 273).

Ещё одно массовое погребение открыто в 1937 г. далеко за границами заселенной зоны Подола (в усадьбе по ул. Кирилловской, 75). Как и могила 1870 г., она располагалась у подножия горы. Согласно передаче информации В. Е. Козловской в книге И. Е. Иванцова, «Место погребения — точок квадратной формы размерами 5 × 5,5 м, где проводилось массовое сожжение трупов. Слой пережженных костей достигал 1 м, что говорит о том, что здесь сожжено не одну сотню человеческих трупов. Верхние слои сожжены полностью и были сплошной массой пережженных костей; нижние слои полностью не перегорели. Костяки лежали группами, очевидно, семьями. Среди пережженных костей попадались вещевые находки: каменные крестики, фрагменты стеклянных браслетов, бусы, небольшая посуда — черпачок и др., что даёт возможность датировать погребение XI—XIII вв.» (Иванцов 2003: 275). Сам И. Е. Иванцов отнёс к братским могилам жертв Батыевого погрома только могилы возле Десятинной церкви, тогда как подольские могилы 1870 и 1937 гг. за границами города счёл моровыми скудельницами, опираясь на факт сожжения костяков в могиле 1937 г. (Иванцов 2003: 273—275).

И. М. Самойловский несколько уточняет обстоятельства. Верхняя часть погребения к моменту начала работ была уничтожена строительными работами, поэтому исследовались только нижние слои комплекса на площади 27 кв. м. «Среди пережженного грунта найдено много (несколько сот) перегоревших костей людей разного возраста и пола. Среди сожженных костей найдено мраморные крестики, обломки стеклянных браслетов, кольца, серьги и небольшую глиняную посудину. Тут же найдены кости двух положенных рядом собак и птицы. ... Ниже под сожженными костяками обнаружено 15 целых человеческих костяков, которые лежали группами, они не были обожжены» (Самойловский 1947: 30—31). Учитывая отсутствие пережженного уровня кострища, а также пере-

мешанность костей с обожженным грунтом, речь вряд ли может идти о кремации на месте, тем более, что представить такую акцию для сотен людей крайне сложно из-за немыслимого количества необходимых для этого дров.

Судя по дневниковым записям, во время раскопок 1936—1937 гг. на усадьбе Художественной школы археологи неоднократно сталкивались с разрозненными частями человеческих скелетов, не придавая им особого значения из-за обилия разрушенных поздних погребений. Но в случае с раструбовидной ямой, на дне которой был обнаружен кувшин с небольшим кладом из двух серебряных слитков киевского типа, а в заполнении на разных уровнях — разрозненные кости 4 костяков (рис. 1: 3), эти останки всё же интерпретировали как принадлежащие жертвам погрома 1240 г. (Ячменьов, Молчановский 1936: 60).

Более впечатляющая картина была получена М. К. Каргером в 1939 г. при раскопках внутреннего пространства Десятинной церкви. Здесь был открыт т. н. «тайник» — подквадратная в плане глубокая яма, наполненная остатками архитектурных деталей, а под ними, на нескольких уровнях, — костными останками 5 человек и собаки; кости ещё одного скелета человека и собаки обнаружены в боковой нише «тайника» (Каргер 1941). Мощный слой углей на дне и обгоревшие кости указывали на гибель постройки в пожаре, а драгоценные украшения, ювелирные формочки, предметы вооружения и др. в заполнении ямы — на экстраординарность события, заставившего в момент гибели собраться в Десятинной церкви людей с наиболее ценным имуществом, оружием, и даже домашними животными (?).

Странно, но М. К. Каргер не допустил самой простой причины выборки лёсса из стенок тайника во время осады церкви — для тушения уже начинавшегося пожара, предложив весьма оригинальную версию объяснения картины. По мнению исследователя, в тайнике копался подземный ход, чтобы выбраться тайком из церкви, но в последний момент в нём лишь спрятались трое людей (женщина и юноша на дне и подросток с собакой в боковой нишке). Позже, во время пожара, сверху упали останки ещё троих (Каргер 1941: 83—85; 1949: 82—90; 1950: 118—140). Эта яркая гипотеза неоднократно повторялась позже другими исследователями при описании событий гибели Десятинной церкви, и даже обростала новыми деталями реконструкции, вплоть до одновременного нахождения в тайнике всех 6-ти человек и 2-х собак.

М. К. Каргер не обратил внимание на отсутствие на дне тайника половых плит или плиток («тайник» явно был открытым в момент пожара), а также не придал значения факту разрозненности и неполноты скелетных останков. Невозможно при одномоментном заполнении ямы строительными материалами и полное перегорание до углей упавших на дно частей деревянных конструкций и кремация тел до стадии обгорания костей. Во время повторного вскрытия объекта в 2007 г. был отмечен факт заметной обожженности лѐсовых стенок объекта (докрасна), особенно в его верхней части (Ивакин и др. 2008b: 129), что свидетельствует о сильном открытом огне в объекте. По-видимому, лишь после его угасания и заполнения до половины колодца землей и обломками внутренней отделки церкви, в яму попали неполные останки ещё 4 человек и собак. И только после засыпки большей части ямы случился финальный обвал стен, законсервировавший объект. Всё это делает историю формирования комплекса более длительной и сложнее, чем представлялось ранее.

Следующие «хрестоматийные» объекты из раскопок М. К. Каргера составляют три погибшие в пожаре землянки с усадьбы Михайловского монастыря (1938 г.) и ул. Большой Житомирской, 4 (1946 г.) (Каргер 1949: 65—72; 1950: 35; 170—181). Рядом с «жилищем ювелира» был открыт неполный скелет девочки, «присыпанной обвалом стены»; в другом жилище — два скелета в скорченных позах в печи (ж. II); в третьем — останки людей в «два-три-четыре слоя» (ж. I). Коллективное захоронение в ж. I перекрывало слой сгоревшего перекрытия дома, т. е. было совершено после пожара. Судя по фото, останки как минимум 5 людей здесь сохраняли полный анатомический порядок, остальные частично или полностью нарушены. В антропологических коллекциях из комплекса сохранились кости 5 мужчин и 2 детей; на трёх черепах обнаружены перимортальные травмы, нанесенные разными видами оружия (Козак 2010: 55, 59—60).

Опираясь на эти материалы, М. К. Каргер предложил масштабную реконструкцию событий гибели Киева в декабре 1240 г., акцентировав внимание на сильнейшем пожаре, охватившем детинец во время штурма (Каргер 1949: 55—102; 1958: 488—515). Несмотря на противоречивость некоторых предположений (например, нахождение войск монголов в деревянном городе во время его пожара; использование «пороков» для разрушения стен Десятинной церкви, и так охваченной огнём;

полное уничтожение жителей города, но тем, не менее, немедленный разбор остатков завалившейся Десятинной церкви и полное извлечение тел из-под них для захоронения в братской могиле; и др.), именно представления М. К. Каргера в различных модификациях повторялись впоследствии в работах историков и археологов.

Новый объект в 1973 г. был исследован С. Р. Кириевич по ул. Десятинной, 2 — в котловане сгоревшего жилища обнаружены останки 10 людей разной степени сохранности (Толочко 1976: 200—201; Кириевич 1982: 126—135, рис. 86). Из костяков только 6 сохранились в полном анатомическом порядке. Соотношение нарушенных и сохранных скелетов иллюстрирует картина в СЗ углу жилища, где разрозненный скелет девочки с пробитым черепом находился на 0,2 м выше нижнего скорченного полного скелета. В СВ части жилища наблюдалась немного другая картина — скелеты взрослого и двух детей со следами обожженности костей находились на дне постройки, тогда как расположенные рядом три костяка из СЗ части без таких следов залежали чуть выше дна на слое заполнения (Кириевич 1982: рис. 86). Формирование комплекса представляется трёхэтапным: гибель в пожаре взрослого с двумя детьми (обоженные скелеты); сбрасывание в котлован пожара тела ещё 4-х человек с присыпкой их землёй; падание в котлован разрозненных частей ещё 3-х скелетов.

Два древнерусских жилища 1-й пол. XIII в. с останками людей в 1999 г. открыты на ул. Владимирской, 8 (Мовчан и др. 1999: 125). Материалы из этих жилищ впервые были комплексно исследованы антропологами на предмет целостности скелетов и наличия прижизненных и посмертных травм (Козак, Потехина 2003: 113—127; Козак 2010: 55—58). Так, скелет мужчины из сгоревшего ж. №2 оказался нарушенным, неполным и не несущим признаков обожженности. На его черепе обнаружены следы двух ударов тупыми предметами, скорее всего, вызвавших смерть. В котловане ж. №6 таких скелетов оказалось 4, но лишь женский скелет №3а сохранился практически полностью и лежал в анатомическом порядке; вероятная причина смерти — круглое отверстие в черепе, нанесенное острым предметом. Останки 2 мужчин (№3б и 3в) сохраняли анатомический порядок лишь фрагментарно и представлены неполными скелетами; череп костяка №3б проломлен предметом с треугольным в разрезе острием. Ещё от одного индивида (№3г) сохранились лишь отдельные кости женского скелета.

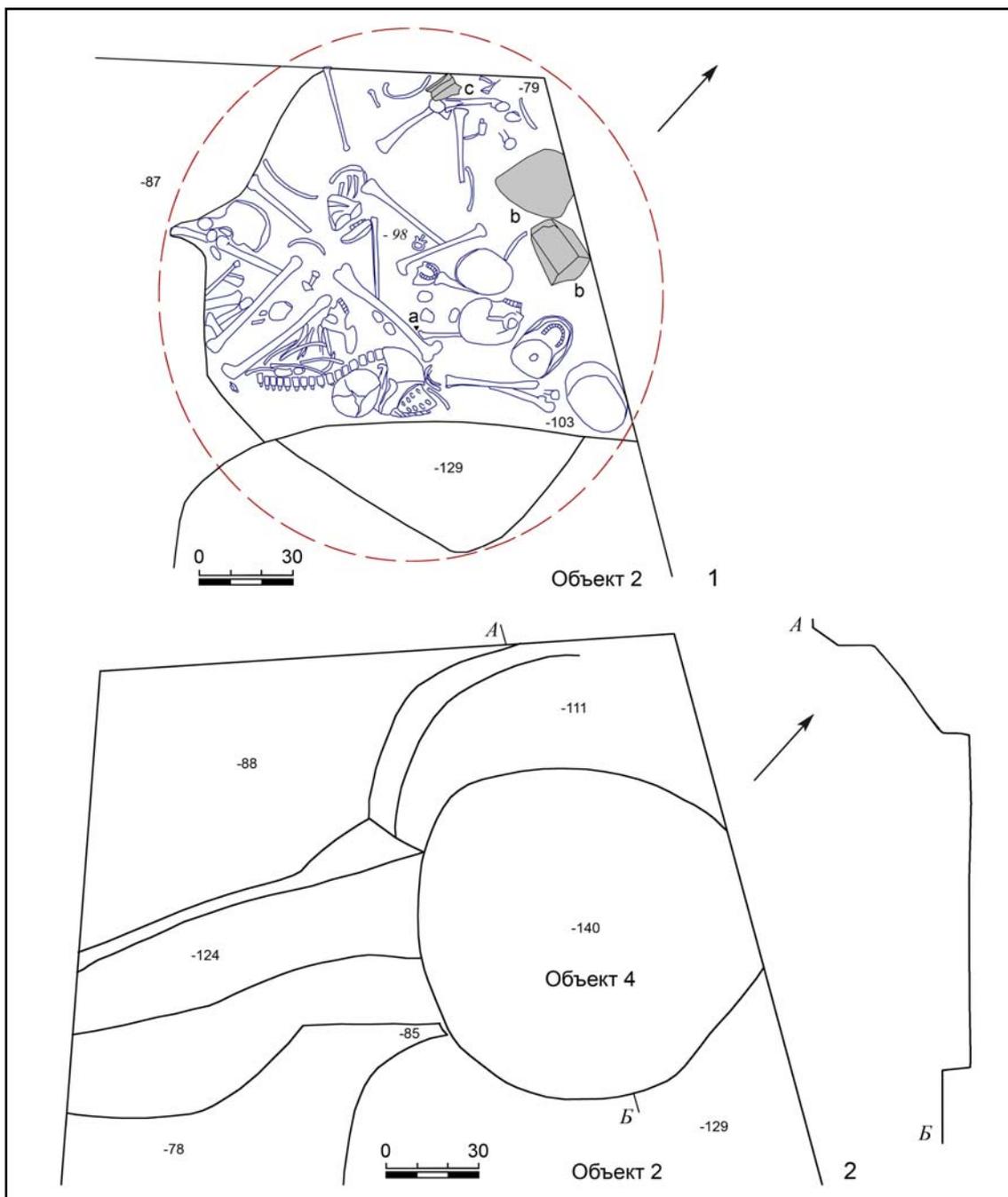

Рис. 2. Коллективная могила в объекте №4 (2007 г.) возле Десятинной церкви: 1 — уровень скопления костей (a — бронзовый перстень; b — камни; c — крупные фрагменты керамики); 2 — хозяйственная яма после выборки (чертеж авторов).

Fig. 2. Mass grave, site no. 4 (2007) near Desyatinnia Church: 1 — level of bone concentration (a — bronze ring; b — stones; c — large fragments of pottery); 2 — level of household pit (drawing by the authors).

Ни один из костяков не имел отношения к эпизоду гибели жилищ, и, за исключением костяка №3а, остальные были сброшены в котлованы уже после частичного или почти полного разложения тел.

Характер травм погибших из котлованов жилищ по ул. Большой Житомирской, 4 и ул. Владимирской, 8 указывает в основном на удары по голове и верхней части тела, на-

несенные сверху, справа или сзади, что характерно при картине преследования всадниками убегающих пешеходов (Козак 2010: 61—63). Наоборот, такие травмы крайне сложно получить при бое в древних жилищах с низкими потолками. Очевидно, в рассмотренных случаях все люди погибли на улицах, а их тела позже захоронили в котлованах сожжённых жилищ. Причём финальная убор-

Рис. 3. Коллективная могила в объекте №4 (2007 г.) возле Десятинной церкви: 1 — уровень скопления костей; 2 — хозяйственная яма после выборки; 3, 4 — фрагменты костяков с сохранением анатомического порядка (фото авторов).

Fig. 3. Mass grave, site no. 4 (2007) near Desyatynna Church: 1 — level of bone concentration; 2 — level of household pit; 3, 4 — fragments of anatomically integral skeletons (photo by the authors).

ка происходила через значительный промежуток времени, когда тела уже начали терять целостность из-за скелетации или воздействия животных.

Такую мрачную картину долгое время избегали признавать археологи, отдавая предпочтение альтернативным объяснениям нарушения целостности костяков — вследствие пожаров, разрушения конструкций построек, подвижек грунта заполнения, перекопов и т. п. Но в 2007 г. работами Киевской архитектурной археологической экспедиции Института археологии НАН Украины в 20 м к СЗ от угла фундаментов Десятинной церкви обнаружено ещё одно коллективное захоронение (Ивакин и др. 2008а: 122—123; Ивакин, Иоаннісян 2008: 199, рис. 7), которое позволило уверенно констатировать многоэтапность процесса очистки Киева от тел погибших в 1240 г.

Раскоп V представлял 20-метровый разрез, начинавшийся от СЗ угла Десятинной церкви и ориентированный перпендикулярно длинной оси церкви и направлению рва Старокиевского городища (засыпанного в X в.). В крайней СЗ части раскопа (кв. БВ-37), захватывающей площадку древнего княжеского двора, и поэтому наиболее интенсивно насыщенной разновременными объектами, в т. ч. исследован объект №4 1-й пол. XIII в., представлявший углублённую раструбовидную в разрезе яму, частично выходящую за границы раскопа (рис. 2; 3). Поскольку площадь раскопа здесь определялась пространством внутри ограждающего место исследований забора, прирезка для доисследования объекта в полном объёме оказалась невозможной. Объект №4 перерезался в верхней части канавкой XIV—XV вв. и частично более поздним большим перекопом XVIII—XIX вв. (объект №2).

Объект №4 составлял нижнюю углублённую часть деревянной постройки, погибшей в пожаре, о чём свидетельствовали пережжённые стенки и дно ямы, а также скопление углей и пепла. В нижней части яма имела плоское округлое дно диаметром 107 × 110 см, углублённое в материк на 0,52 м (или не более 0,8 м от древней поверхности состоянием на XIII в.). В СЗ части прослеживалась небольшая ступенька высотой от 10 см от дна, переходящая в более наклонную, чем в других местах, стенку — по-видимому, с этой стороны располагался вход в постройку (рис. 2; 3: 2). Диаметр углублённой части постройки на уровне древней поверхности мог достигать 1,8—2 м (рис. 2: 1), но точно не прослежен из-за перекопов. На момент пожара объект был полностью пуст, никаких запасов в нём

не хранилось, что может свидетельствовать о длительности осады Киева.

В относительно короткий промежуток времени после пожара котлован постройки был заполнен серым грунтом с включением фрагментов цемянки, камней, фрагментов горшков 1-й пол. XIII в. и костями людей, набросанными в слое без какой-либо системы (рис. 2: 1; 3: 1). Это заполнение распространялось в верхней, наиболее широкой части котлована, даже за его границы, и отмечено в западной части в небольшой промоине. В СВ углу раскопа заполнение могилы продолжалось в стенку — здесь она осталась недоисследованной. Судя по глубине расположения отдельных костей, они перемещались в засыпку могилы вместе с грунтом лопатами, скорее всего, отсюда и наличие в заполнении фрагментов керамики и других признаков культурного слоя.

По заключению А. Д. Козак, кости, собранные из объекта, принадлежали как минимум 14 индивидам (8 взрослых и 6 детей). При расчистке костей отмечены две группы позвонков, сохранявших анатомический порядок, а также, возле одной из них, в несколько нарушенном виде — скопление рёбер (рис. 3: 3, 4). Эти наблюдения позволили заключить, что части останков по крайней мере двух людей попали в могилу ещё до полного разложения тел на стадии сохранения связей.

Ещё в полевых условиях на нескольких костях отмечены зеленые пятна медных окислов, хотя единственный медный предмет из заполнения — перстень — обнаружен в другом месте. Окраска костей окислами, несомненно, произошла вне данной могилы, на месте, где останки находились до перезахоронения. Согласно исследованию А. Д. Козак (см. статью в этом же номере журнала), на костях трёх индивидов отмечены также следы сажи и копоти (№1, 6, 8), а у ещё одного — прямые признаки действия огня (№2). На костях индивидов №6 и 8 дополнительно зафиксированы следы зубов животных. На других костях подобной картины не наблюдается, т. е. они собирались из разных мест, не только с пожарищ. Следы перимортальных травм, скорее всего, нанесённых оружием, зафиксированы у индивидов №4, 5, 6, 8, тогда как у индивидов №1, 3, 5 — следы травм, перенесённых незадолго до гибели, вероятно, полученных во время осады города. Само же перезахоронение останков, по оценке А. Д. Козак, произошло в диапазоне 7—11 месяцев после смерти.

Вопреки ожиданиям, перимортальных травм от возможного падения тяжёлых архи-

тектурных блоков Десятинной церкви на исследованных костях не выделено. Да и раскопки участка братской могилы над «восточным дворцом» в 1936 г. дали редкую картину анатомического порядка костяков. Наиболее близкий нашему объект был обнаружен в 1936 г. приблизительно в 20 м на ЮЗ на участке А (S) (Ячменьов, Молчановский 1936: 60). Общая глубина ямы составила 3,5 м от поверхности, что намного больше объекта №4 (2007 г.), но расположенные в заполнении ямы на разных уровнях разрозненные части 4 скелетов демонстрируют тот же принцип уборки частей тел погибших с помещением в ближайшие углублённые объекты — в первую очередь, котлованы жилищ и хозяйственных ям, параллельно засыпая и заравнивая участки. Вероятно, аналогичный хозяйственный объект с ямой, в который были сброшены на разных уровнях разрозненные останки 12 человек, исследовал в 1908 г. В. В. Хвойка (Хвойка 1913: 74—75).

Как заметил ещё М. К. Каргер, на Старокиевской горе отсутствуют объекты XIII в., заполненные культурным слоем XIV—XVII вв. Последнее было бы логичным в случае длительного сохранения углублений котлованов, но наблюдаемая картина прямо противоположна. Именно в 1241 г. уцелевшие жители Киева начали присыпать котлованы с телами, добавляя в них останки погибших рядом людей. Этот процесс оказался многоэтапным. По состоянию скелетов в таких объектах выделяются четыре основных группы, соответствующие этапам попадания тел в землю. I этап — погибшие непосредственно в самих объектах, обычно маркируется полными скелетами и следами обожженности костей. II этап — захоронение тел ранее начала их разложения, маркируется полными скелетами, сброшенными в котлованы после пожаров. III этап — захоронение тел на стадии полуразложения с частичной утратой анатомического порядка. IV этап — захоронение останков на стадии полной или практически полной скелетации.

Среди объектов с хорошей фиксацией и сохранностью антропологического материала погибших в зданиях на этапе I оказалось немного. Это вряд ли удивительно. Естественная реакция человека на пожар в доме — это вырваться наружу, поэтому погибшие в пожарах либо не имели возможности выйти, как в случае с забаррикадированной Десятинной церковью, или теряли сознание от угарного газа и дыма. Детальный же антропологический анализ костяков, захороненных на этапах II—IV, демонстрирует, что

в большинстве случаев такие люди погибли от нанесённых им оружием травм.

Ко II этапу захоронения из братских могил в настоящий момент может быть отнесена только могила над фундаментами южного дворца или, во всяком случае, её часть, исследованная в 1936 г. (рис. 1: 2). Этот вывод выглядит парадоксальным, учитывая традиционные представления о принадлежности могилы погибшим в Десятинной церкви. Ведь если верна летописная версия об обрушении церкви в момент штурма, на извлечение тел из-под обломков ушло бы много времени и трудозатрат большого коллектива людей, а сами кости (особенно черепа) преимущественно были бы раздавленными. Если же адекватную картину отражает «тайник», и стены церкви упали только через некоторое время (уже после сбрасывания во время уборки в верхние слои «тайника» останков 4 человек и трупов собак), то большинство тел оказались бы пережжёнными и разрозненными.

Самая большая по размерам братская могила вдоль ул. Десятинной (рис. 1: 1) могла быть начатой ещё на этапе II, но в основном заполнялась на этапах III и IV. Происхождение этого углубления до сих пор остаётся загадкой, поскольку оборонительный ров в данном месте представить сложно. Скорее, речь шла о небольшом естественном овраге — промоине по линии древней улицы, засыпанной после заполнения могилы телами на стадии частичного разложения. Учитывая, что штурм Киева пришёлся на начало декабря, зима должна была серьёзно замедлить процессы разложения, а следовательно, этап III приходится на весну 1241 г. Скорее всего, эту масштабную уборку должны были закончить к Пасхе, которая в 1241 г. приходилась на 31 марта.

Последняя, «генеральная», уборка Киева этапа IV случилась в диапазоне 5 (7)—11 месяцев после штурма, т. е. не ранее лета. Начало жаркого периода неминуемо активизировало процессы разложения пропущенных зимой и весной тел, сокрытых в слоях пожара или же плохо присыпанных землёй. В санитарных целях и для борьбы с животными-падальщиками такие останки следовало достать и перезахоронить более надёжно. Вполне вероятно, что из-за стоявшего на горе невыносимого запаха было сложно определить, в каких именно котлованах были погибшие, а в каких нет, поэтому было принято решение присыпать все углублённые объекты без исключения, что и привело в итоге к фактической нивелировке поверхности.

Кто мог руководить такими работами в практически уничтоженном городе? Един-

ственное упоминание летописью Киева в 1241 г. связано с личностью князя Михаила Всеволодовича. Но вернувшийся весной 1241 г. в Киев князь-беглец в самом городе не остался и, по словам летописца, «живаше подь Киевомъ во встровѣ» (ПСРЛ 2000, 2: 789) — скорее всего, в редкой сохранившейся крепости региона, не доступной монголам. Сложно представить, какое влияние мог иметь князь на немногих выживших жителей города и действительно ли он надеялся возобновить княжеский двор. Дальнейшая история показала, что в Киеве Михаил Всеволодович так и не закрепился, а следовательно, уборку, скорее, следует считать инициативой самих киевлян и духовенства.

Летопись ничего не говорит о судьбе Киевского Подола во время штурма, где по археологическим данным также наблюдается мощнейший горизонт пожара 1240 г. Углублённых объектов в подольской части города практически не было — здесь полностью преобладала наземная застройка (см.: Толочко 1983; Сагайдак 2010). Тела погибших в пожаре или от рук монголов следовало полностью удалить с жилой территории. Именно это и могло вызвать появление многотысячных братских могил 1870 и 1875 гг. возле Иорданской церкви. Сложнее интерпретировать могилу 1937 г. Версия И. Е. Иванцова о санитарном сожжении тел после эпидемии вполне заслуживает внимание, к ней, в частности, присоединился В. Г. Ивакин (Ивакин 2008: 108—109). Проблема лишь в том, что такого радикального способа борьбы с эпидемиями не знают древнерусские источники. Картина смешанности костей с обожжённым грунтом, наличие среди костей скелетов собак и птиц, скорее, предполагают сбор перегоревших останков из кострищ лопатами. Именно так в 1241 г. на Подоле могли дособирать тела

и на этапах III—IV. Если на последнем этапе из слоя пожарниц выгребались не замеченные ранее обожженные тела, а пережженные кости выбирались корзинами вместе с углями, землей и пеплом и перевозились за город в одну яму, это вполне могло дать описанную картину. Главное отличие от моровой скудельницы в таком случае должно заключаться в наличии в могиле фрагментов культурных остатков, битой посуды, что может прояснить поиск полевой документации.

Если опираться на археологическую картину, то полная очистка территории Киева от останков погибших при штурме в декабре 1240 г. закончилась лишь к концу лета 1241 г. В результате этих работ площадка детинца на Старокиевской горе *de facto* превратилась в огромное кладбище тысяч людей. Иначе ситуация обстояла на территории нижнего города — Подола, где характер застройки заставил полностью удалить останки погибших с поверхности. Это во многом предопределило дальнейшее развитие городской застройки Киева, несколько столетий концентрировавшейся именно на Подоле, а также на Замковой горе (см.: Ивакин 1996), во избежание нарушения массовых могил в бывшем княжеском центре города.

Всего через 5 лет после погрома Джованни Плано Карпини, наблюдавший по дороге массу незахороненных останков людей, не только не обмолвился о подобном в отношении Киева, но и уже насчитывал в городе до 200 домов. Учитывая обстоятельства и масштабы уничтожения населения города, это совсем не маленькая цифра. Именно на эти 200 семей (а, по-видимому, вначале даже меньше) выпал тяжелейший скорбный долг захоронения погибших соседей и родственников, по-своему сравнимый с героизмом павших защитников Киева.

Литература

- Антонович В. Б. 1888. Обзорение предметов великокняжеской эпохи, найденных в Киеве и ближайших его окрестностях и хранящихся в Музее древностей и Мюнц-кабинете Университета св. Владимира. *Киевская Старина* XXII (июль), 117—132.
- Антонович В. Б. 1895. *Археологическая карта Киевской губернии*. Москва: Типография М. Г. Волчанинова.
- Антонович В. Б. 1896. По вопросу об уничтожении Ярославца вала. *Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца* 10, 52—70.
- Археологические... 1910. Археологические исследования в Киевской губернии. 1910. *ИАК* 37, приложение, 206—211.
- Ёлшин Д. Д., Мелюх Е. А., Ходаковский Е. В. 2015. *Дмитрий Васильевич Милеев (1878—1914): архитектурная археология и реставрация в России в начале XX века*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Ивакин В. Г. 2008. *Християнські поховальні пам'ятки давньоруського Києва*. Київ: КИТ.
- Ивакин Г. Ю. 1996. *Історичний розвиток Києва XIII — середина XVI ст. (історико-топографічні нариси)*. Київ: ІА НАНУ.
- Ивакин Г. Ю., Иоаннісян О. М. 2008. Перші підсумки вивчення Десятинної церкви у 2005—2007 рр. В: Ивакин Г. Ю. (відп. ред.). *Дньєслово*. Київ: Корвін Пресс, 191—214.
- Ивакин и др. 2008а: Ивакин Г. Ю., Козюба В. К., Комар О. В., Йолшин Д. Д. 2008. Археологічні дослідження території навколо Десятинної церкви 2007 р.

№5. 2016

- АДУ 2006—2007 р., 122—126.
- Івакін и др. 2008b: Івакін Г.Ю., Манігда О.В., Іоанніс-ян О.М., Йолшин Д.Д., Зиков П.Л., Лукомський Ю.В. 2008. Архітектурно-археологічні дослідження Десятинної церкви 2007 р. АДУ 2006—2007 р., 127—132.
- Іванцов І.О. 2003. *Стародавній Київ*. Київ: Фенікс.
- Каргер М.К. 1941. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве. *КСИИМК X*, 75—85.
- Каргер М.К. 1949. Киев и монгольское завоевание. *СА XI*, 55—102.
- Каргер М.К. 1950. *Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938—1947)*. Киев: АН УССР.
- Каргер М.К. 1958. *Древний Киев*. Т. 1. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Килиевич С.Р. 1982. *Детинице Киева IX — первой половины XIII веков*. Киев: Наукова думка.
- Козак О.Д. 2010. *Кияни княжої доби*. Київ: Академперіодика.
- Козак О.Д., Потехіна І.Д. 2002. Мешканці «града Володимира» за даними антропології. *Археологія* 1, 113—129.
- Козюба В.К. 2010. Фотографії та малюнки розкопок В.В. Хвойки 1907—1908 рр. в садибі М.М. Петровського в Києві. В: Конвалюк Н.В., Відейко М.Ю. (ред. колл.). *Науково-дослідницька та просвітницька діяльність Вікентія Хвойки*. Трипілля, 59—78.
- Козюба В. 2014. Дослідження 1909—1910 років Дмитра Мілеєва храму XI століття в митрополичому саду Софії Київської (за матеріалами Наукового архіву Інституту історії матеріальної культури у Санкт-Петербурзі). *Opus mixtum* 2, 71—86.
- Корзухина Г.Ф. 1956. Новые данные об исследованиях В. Хвойки. *СА XXV*, 318—342.
- Мовчан и др. 1999: Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Гончар В.М., Писаренко Ю.Г. 1999. Дослідження «міста Володимира» у Києві у 1999 р. *Археологічні дослідження в Україні 1998—1999 рр.* Київ: ІА НАНУ, 124—125.
- Петров Н.И. 1897. *Историко-топографические очерки древнего Киева*. Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира.
- ПСРЛ 2001, 1: *Лаврентьевская летопись*. 2001. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Москва: Языки славянской культуры.
- ПСРЛ 2001, 2: *Ипатьевская летопись*. 2001. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Москва: Языки славянской культуры.
- Раскопки... 1909a: Раскопки в Киеве в 1909 году. 1909. *ИАК 32*: приложение, 122—134.
- Раскопки... 1909b: Раскопки в усадьбе М.М. Петровского. 1909. *ИАК 31*: приложение, 81—83.
- Рогович А. 1875. Об экскурсии, произведенной в 1875 г. по предложению Киевского общества естествоиспытателей. *Записки Киевского общества естествоиспытателей IV* (1), 224—234.
- Сагайдак М.А. 2010. Гражданская архитектура Киева X—XII вв. (некоторые аспекты изучения восточнославянского жилища). *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 530—546.
- Самойловський І.М. 1947. *Хроніка археологічних досліджень Києва з 1917 по 1947 рр.* Науковий архів Інституту археології НАН України. Ф. 12. №269.
- Самойловский И.М. 1954. *Археологическая карта Киева*. Научный архив Института археологии НАН Украины. Ф. 12. №361.
- Толочко П.П. 1976. *Древний Киев*. Киев: Наукова думка.
- Толочко П.П. 1983. *Древний Киев*. Киев: Наукова думка.
- Хвойка В.В. 1913. *Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура*. Киев: Типография товарищества Е. Синькевич.
- Хойновский И. А. 1893. *Раскопка великокняжеского двора древнего Киева, произведенная весной 1892 г.* Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира.
- Ячменьов Н., Молчановський Ф. 1936. Нові археологічні розкопки у Києві. *Соціалістичний Київ* 7—8, 57—60.
- D'Avezac M.-A. 1838. *Relation des Mongols ou Tartares, par le Frère Jean du Plan de Carpin*. Paris: Librairie géographique d'Arthus-Bertrand.
- Specht F.A.K. von. 1870. *Geschichte der Waffen*. Bd.1. Leipzig: Carl Ludbardt Verlags-Buchhandlung.

References

- Antonovich, V.B. 1888. In *Kievskaja starina (Kievan Past)* XXII (July), 117—132 (in Russian).
- Antonovich, V.B. 1895. *Arkheologicheskaja karta Kievskoi gubernii (Archaeological Map of the Kiev Province)*. Moscow: Typography of M. G. Volchaninov (in Russian).
- Antonovich, V.B. 1896. In *Chtenia v istoricheskom obshchestve Nestora Letopisetsa (Readings in Nestor the Chronicler's Historical Community)* 10. Kiev: St. Vladimir Imperial University, 52—70 (in Russian).
- Arkheologicheskie issledovaniia v Kievskoi gubernii (Archaeological Studies in the Kiev Province). 1910. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 37, supplement, 206—211 (in Russian).
- Yolshin, D.D., Meliukh, E.A., Khodakovskii, E.V. 2015. *Dmitrii Vasil'evich Mileev (1878—1914): arkhitekturnaia arkheologija i restavratsiia v Rossii v nachale XX veka (Dmitry Mileev (1878—1914): Architectural Archaeology and Restoration in Russia in Early 20th Century)*. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).
- Ivakin, V.H. 2008. *Khrystyians'ki pokhova'ni pam'yatky davn'orus'koho Kyjeva (Christian Funerary Sites of Kiev in Ancient Rus' Time)*. Kiev: "KYT" Publ. (in Ukrainian).
- Ivakin, H. Yu. 1996. *Istorychnyj rozvytok Kyjeva XIII — seredyna XVI st. (istoryko-topografichni narysy) (Historical Development of Kiev in 13th — Mid-16th Century: Historical and Topographical Essay)*. Kiev: Archaeology Institute of the Ukraine National Academy of Sciences (in Ukrainian).
- Ivakin, H. Yu., Ioannisyian, O.M. 2008. In Ivakin, H. Yu. (ed.). *D'nyeslovo. Zbirka prats' na poshanu dijsnoho chlena Natsional'noi akademii nauk Ukrainy Petra Petrovycha Tolochka z nahody joho 70-richchya (Dnyeslovo: Collected Papers in honorem 70th Anniversary of the Academician Pyotr Tolochko)*. Kiev: "Korvin Press" Publ., 191—214 (in Ukrainian).
- Ivakin, H. Yu., Kozyuba, V.K., Komar, O.V., Jolshyn, D.D. 2008. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2006—2007 r. (Archaeological Investigations in Ukraine in 2006—2007)*, 122—126 (in Ukrainian).
- Ivakin, H. Yu., Manihda, O.V., Ioannisyian, O.M., Jolshyn, D.D., Zykov, P.L., Lukoms'kyj, Yu.V. 2008. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2006—2007 r. (Archaeological Investigations in Ukraine in 2006—2007)*, 127—132 (in Ukrainian).
- Ivantsov, I. O. 2003. *Starodavnij Kyiv (Ancient Kiev)*. Kiev: "Feniks" Publ. (in Ukrainian).
- Karger, M.K. 1941. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* X, 75—85 (in Russian).
- Karger, M.K. 1949. In *Sovetskaia Arkheologija (Soviet Archaeology)*

- ogy) XI, 55—102 (in Russian).
- Karger, M.K. 1950. *Arkheologicheskie issledovaniia drevnego Ki-eva. Otchet i materialy (1938—1947) (Archaeological Studying of Ancient Kiev: Reports and Materials of 1938—1947)*. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR (in Russian).
- Karger, M.K. 1958. *Drevnii Kiev (Ancient Kiev) 1*. Moscow; Lenin-grad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Kilievich, S.R. 1982. *Detinets Kiava IX — pervoi poloviny XIII veku (The Citadel of Kiev in 9th — First Half of 13th Centu-ries)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
- Kozak, O.D. 2010. *Kyyany knyazhoi doby. Bioarkheolohichni studii (The Medieval Kiyany. Bio-Archaeological Studies)*. Kiev: “Akademperiodyka” Publ. (in Ukrainian).
- Kozak, O.D., Potyekhina, I.D. 2002. In *Arkheolohiya (Archaeol-ogy) 1*, 113—129 (in Ukrainian).
- Kozyuba, V.K. 2010. In Konvalyuk, N.V., Videjko, M. Yu. (eds.). *Naukovo-doslidnyts’ka ta prosvitnyts’ka diyal’nist’ Vikentiya Khvojky (Research and Educational Activity of Vikentiy Khvoyka)*. Trypillya, 59—78 (in Ukrainian).
- Kozyuba V. 2014. In *Opus mixtum 2*, 71—86 (in Ukrainian).
- Korzukhina, G.F. 1956. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archae-ology) XXV*, 318—342 (in Russian).
- Movchan, I.I., Borovs’kyj, Ya. Ye., Honchar, V.M., Pysarenko, Yu.H. 1999. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukra-ini 1998—1999 rr. (Archaeological Investigations in Ukraine in 1998—1999)*. Kiev: Archaeology Institute of the Ukraine National Academy of Sciences, 124—125 (in Ukrainian).
- Petrov, N.I. 1897. *Istoriko-topograficheskie ocherki drevnego Kiava (Historical and Topographical Essays on Ancient Kiev)*. Kiev: Typography of the St. Vladimir Imperial University (in Russian).
- Lavrent’evskaia letopis’ (Laurentian Codex)*. 2001. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Rus-sian Chronicles) 1. Moscow: “Iazyki slavianskoi kul’tury” Publ. (in Russian).
- Ipat’evskaia letopis’ (Hypatian Codex)*. 2001. Series: Polnoe so-branie russkikh letopisei (Complete Collection of Rus-sian Chronicles) 2. Moscow: “Iazyki slavianskoi kul’tury” Publ. (in Russian).
- Raskopki v Kieve v 1909 godu (Excavations in Kiev in 1909). 1909. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Pro-ceedings of the Imperial Archaeological Commission) 32*: supplement, 122—134 (in Russian).
- Raskopki v usad’be M.M. Petrovskogo (Excavations in M.M. Petrovsky’s Estate). 1909. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission) 31*: supplement, 81—83 (in Russian).
- Rogovich A. 1875. In *Zapiski Kievskogo obshchestva estestvoispy-tatelei (Bulletin of the Kiev Naturalist Society) IV (1)*, 224—234 (in Russian).
- Sagaidak, M.A. 2010. In Musin, A.E., Peskova, A.A., Shcheglova, O.A. (eds.). *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki (Slavic-Russian Jewellery and its Origins)*. Saint Peters-burg: “Nestor-Istoriia” Publ., 530—546 (in Russian).
- Samoilovs’kyj, I.M. 1947. *Khronika arkheolohichnykh doslidzhen’ Kyjeva z 1917 po 1947 rr. (Chronicle of the Archaeologi-cal Research in Kiev in 1917—1947)*. Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Fund 12, no. 269 (in Ukrainian).
- Samoilovskii, I.M. 1954. *Arkheologicheskaia karta Kiava (Archae-ological Map of Kiev)*. Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Fund 12, no. 361 (in Russian).
- Tolochko, P.P. 1976. *Drevnii Kiev (Ancient Kiev)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
- Tolochko, P.P. 1983. *Drevnii Kiev (Ancient Kiev)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
- Khvoyka, V.V. 1913. *Drevnie obitateli Srednego Pridneprov’ia i ikh kul’tura (Ancient Residents of the Middle Dnieper Area and Their Culture)*. Kiev: “E. Sin’kevich” Publ. (in Russian).
- Khoinovskii, I.A. 1893. *Raskopka velikokniazheskogo dvora drev-nego Kiava, proizvedennaia vesnoi 1892 g. (Excavations of the Princely Court of Ancient Kiev Produced in Spring 1892)*. Kiev: Typography of the St. Vladimir Imperial Uni-versity (in Russian).
- Yachmen’ov N., Molchanovs’kyj F. 1936. In *Sotsialistychnyj Kyiv (Socialist Kiev) 7—8*, 57—60 (in Ukrainian).
- D’Avezac, M.-A. 1838. *Relation des Mongols ou Tartares, par le Frère Jean du Plan de Carpin*. Paris: Librairie géographique d’Arthus-Bertrand.
- Specht, F.A. K. von. 1870. *Geschichte der Waffen*. Bd.1. Leipzig: Carl Ludbardt Verlags-Buchhandlung.

Статья поступила в номер 29 июня 2016 г.

Glib Ivakin (Kiev, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine¹.

Glib Ivakin (Kiev, Ucraina). Doctor în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei.

Ивакин Глеб Юрьевич (Киев, Украина). Доктор исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: ivakingleb@volicable.com

Oleksii Komar (Kiev, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine²; Museum of History of the Desiatynna Church³.

Oleksii Komar (Kiev, Ucraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei; Muzeul de istorie a Bisericii Adormirii Măicii Domnului.

Комар Алексей Викторович (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины; Музей истории Десятинной церкви.

E-mail: akomar@mail.ru

Addresses: ^{1,2} Geroev Stalingrada Ave., 12, Kiev, 04210, Ukraine; ³ Volodymyrska St., 6, Kiev, 01001, Ukraine